

УДК 94(47)“17”

А.Х. ЭЛЕРТ

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ «САМОЕДОВ» СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVIII В.*

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
Новосибирск
e-mail: alexandreiert@yahoo.com

В статье анализируются экспедиционные материалы участника Второй Камчатской экспедиции (1733–1743) Г.Ф. Миллера, характеризующие этнический состав самодийских народов Северо-Западной Сибири, а также некоторые особенности их материальной и духовной культуры. Автор впервые вводит в научный оборот сведения, почерпнутые из немецкоязычных рукописей ученого, которые до сих пор не использовались специалистами (черновые материалы и наброски, легшие в основу «Описания сибирских народов», полевой дневник путешественника и др.). Показано, что эти источники существенно дополняют составленные Миллером словари, особенно в отношении этнонимии самодийских народов и их диалектных групп. Доказывается, что именно Миллер первым и на столетие раньше М.А. Кастрена установил принадлежность «остяков нарымского языка» (селькупов) не к угорской, а к самодийской языковой общности. Приведены уникальные данные по этнонимике народов Мангазейского уезда, позволяющие по-новому поставить вопрос об автоэтнониме тавгов (нганасан), а также о том, были ли самоеды-юраки самостоятельным народом или всего лишь ненецкой диалектной группой. Отнесение ученым юраков к самостоятельному народу со своим языком подтверждается большим массивом данных, полученных непосредственно от самих аборигенов Мангазейского уезда. Большое значение имеют рассматриваемые в статье материалы Миллера по этнографии самодийских народов. В отличие от большинства предшествующих авторов, сравнивавших представителей самодийских и угорских народов с дикими зверями, ученый настаивал на том, что указанные народы по антропологическим параметрам были очень близки к европейцам, отличались душевной добротой, неспособностью причинять сознательные обиды, сострадательностью и чувствительностью. Эти и другие подобные утверждения Миллера показывают, что он не только стоял у истоков этнографического изучения самодийских и угорских народов Севера, но и отличался доброжелательностью, непредвзятостью и готовностью увидеть в кочевниках тундры лучшие человеческие качества.

Ключевые слова: Вторая Камчатская экспедиция, Г.Ф. Миллер, самодийские и угорские народы Северо-Западной Сибири, этнография, лингвистика.

История изучения самодийских народов Северной Европы и Сибири, их языковой принадлежности и родства с другими народами насчитывает уже более трех веков. Уже в 1697 г. Г.В. Лейбницу и его коллегам был очевиден факт родства самоедского (ненецкого) языка с финским, лапландским (саамским), мордовским, остяцким (хантыйским) и рядом других языков. Некоторые упущения в этой схеме в 1730 г. восполнил Ф.И. Страленберг [1, с. 221]. Хотя разработанная Страленбергом классификация сибирских народов в первой трети XVIII в. и была наиболее совершенной на тот момент, необходимо отметить, что народы объединялись им в разные «классы» в одних случаях по языковому принципу, а в других – по образу жизни и роду хозяйственной деятельности или по принадлежности к той или иной религии. Деление на самостоятельные народы и установление родственных связей между ними в первой половине XVIII в. осуществлялось обычно на основе самых разных, подчас противоречащих друг другу признаков (подобные примеры встречаются, в частности, в работах Г. Новицкого, И.Б. Мюллера, В.Н. Татищева и

др.). Так, В.Н. Татищев, которого признают «пионером сопоставительного языковедения в России XVIII столетия» [2, с. 83], писал: «Главной поданных русских язык сарматской, но сей употребляют разные народы, яко финны и корелы, лапландцы и самоеды, вотяки, пермяки, зыряне, вогуличи, остяки, мордва, чувашы, черемисы и пр.» [3, с. 102.]. Языки ряда упомянутых народов действительно находились в родственной связи, однако в целом, с точки зрения современной науки, здесь объединены народы, относящиеся к финской, угорской и самодийской группам уральской семьи языков, к тюркской группе алтайской семьи, а также к кетской (енисейской) семье.

Подлинный переворот в языковой классификации почти всех сибирских народов, в том числе самодийских, стал возможен в результате десятилетней (1733–1743) работы в Сибири в составе Второй Камчатской экспедиции выдающегося историка, этнографа и лингвиста Герарда Фридриха Миллера. Долгое время лингвистические разыскания Миллера и десятки составленных им словарей сибирских народов оставались неизвестными научной общественности, для исследователей важнейшим источником являлся «Вокабуляриум...» 34 народов Сибири, составленный в 1763 г. участником упомянутой экспедиции И.Э. Фишером.

*Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного Президиумом РАН, №44 «Россия в Арктике: исторический опыт и современные проблемы».

Лишь в 1870 г. П.П. Пекарский указал на вторичность лексических материалов Фишера, который, не ссылаясь на Миллера, использовал его словари. Но лишь в конце XX в., благодаря кропотливой архивной работе выдающегося лингвиста Е.А. Хелимского, приоритет Миллера в разработке важнейших проблем этногенеза и языковой принадлежности сибирских народов стал очевидным. Однако колоссальный по объему лексический материал содержится не только в словарях ученого, но и в других экспедиционных рукописях ученого, которые в большинстве своем до сих пор не переведены на русский язык и не введены в научный оборот.

Во время путешествия по Сибири Миллер первым предпринял попытку комплексного этнографического описания всех аборигенных народов Сибири – от Урала до Чукотки и от южных границ до Северного Ледовитого океана. И хотя итоговый труд ученого «Описание сибирских народов» остался незавершенным, в нем, а также в черновых материалах к этой работе («Известие о якутах и их шаманах...»), полевом дневнике и других немецкоязычных экспедиционных рукописях ученого можно обнаружить ценнейшую информацию практически по всем проблемам истории и этнографии коренного населения Сибири [4, с. 40–67]. Не являются исключением и сведения Миллера о народах Северо-Западной Сибири, содержащиеся на сотнях страниц экспедиционных рукописей ученого. Необходимо отметить то обстоятельство, что хотя Миллер и был единственным ученым из состава участников экспедиции, кто посетил все уезды Урала и Сибири, в своих путешествиях по рекам с юга на север, по Оби он проехал лишь до ее слияния с Иртышом, а по Енисею – до Туруханска. Таким образом, при описании самодийских народов путешественник лишь в незначительной степени мог опираться на личные наблюдения. Основу его источниковой базы, помимо наблюдений и документов из архивов сибирских городов, составили результаты опросов местного населения, как русского (промышленные, торговые и служилые люди, ясачные сборщики, приказчики ясачных острогов и зимовий, участники военных походов и др.), так и аборигенного (рядовые ясачные, князцы, шаманы и др.).

При характеристике народов Миллер значительное место отводил географическому фактору, который, по его мнению, во многом предопределил особенности их материальной и духовной культуры, характер взаимоотношений как между собой, так и с русскими, а также общий уровень развития, степень «цивилизованности». Поэтому в своей программе этнографических исследований («Показание, каким образом при описании народов, а паче сибирских, поступать должно») он предложил группировать народы «в главные разделения» не только по языкам, оседлости, преобладающей хозяйственной деятельности и религиозным верованиям, но и по среде обитания: «Разделять по различным странам Сибири на степных, на лесных и на таких, которые жительство имеют в северных местах» [4, с. 181]. Основной особенностью «северных мест» Миллер считал преобладание тундрового и ле-

сотундрового ландшафтов, а также суровые климатические условия.

По мнению Миллера, определенную общность можно было обнаружить не только у самодийских народов, но и в аборигенных культурах северных областей Европы, Азии и Америки. Исходя из этого, он полагал, что этнографическое описание североазиатских народов не может быть полноценным с научной точки зрения без сопоставления с данными о северных народах других частей света. Больше всего у него таких сопоставлений с народами европейского Севера. В одном из вариантов предисловия к «Описанию сибирских народов» Миллер называет, наряду с другими, следующие народы, «имеющие много общего с некоторыми сибирскими народами»: пермяки и зыряне (*komi-mart*); самоеды европейского Севера (*chasoa*), которые составляли один народ с березовскими самоедами; лапландцы, или лопари (*sambe*, или *same*) в России и на севере Скандинавии¹.

Используя собранные в ходе экспедиции богатейшие словарные материалы, а также другие источники, Миллер определил этнический состав и расселение всего аборигенного населения Северо-Западной Сибири, вплоть до самых малочисленных родов. Его выводы до сих пор не утратили своего значения, что может быть показано на примере так называемых самоедов. Он писал о них «Во всей северной части Березовского и Мангазейского уездов кочуют различные народы, которые все общим именем называются самоеды. Они говорят четырьмя совсем между собою отменными языками и так не по иному чему, как по разности языков, подлинное и неопровержимое свидетельство в различном происхождении какого народа произвесть можно»². Согласно современным данным, самоеды XVIII в. разделялись не на четыре, а на три народа – ненцев, энцев и нганасан (тавгов). По Миллеру, четвертый самоедский народ составляли юраки, которых современные исследователи обычно относят к ненцам. Для этого у Миллера были веские основания. Главное из них – язык юраков.

Единственным оригинальным источником сведений об этом исчезнувшем языке (Е.А. Хелимский называл его старовосточным ненецким диалектом) является словарь, составленный Миллером. По оценке Е.А. Хелимского, этот диалект был «переходным, занимавшим промежуточное положение между ненецким и энецким диалектами» [1, с. 52]. Миллер отметил и тот факт, что юраки, кроме родовых имен (*ngaiwuseri*, *selerti* и др.), имели общий автоэтноним *jurak*, тогда как автоэтноним всех самоедов-ненцев был *chasoa*, или *chasowa*. И, наконец, сами юраки отграничивали себя от соседних самоедов, а те в свою очередь считали юраков особым народом. В полевом дневнике ученый записал: «Самоеды с реки Таз, которые из-за убийства посланного к ним ясачного сборщика содержатся в Мангазее, рассказали. Они не имеют особого имени, которым бы

¹ РГАДА. Ф. 199. Портф. 509. Д. 6. Л. 1–3.

² Там же. Ф. 181. Д. 1386. Ч. 1. Л. 2.

они обозначали весь самоедский народ, кроме того, что имеют различные названия для разных родов. Например, на реке Таз есть асиды (по-самоедски *Ngaiwuseri*), соледы (по-самоедски *Selerti*), варейки, харутей, комарей. Все эти роды причисляют себя к юракам, которых они также называют *Jurák*, и это слово не должно означать воры, кроме того, они считают это ругательством, если их так называют, хотя они сами себя так именуют. Хантайских самоедов они называют *Mandù*, тавгов *Tau* (тавги сами себя называют *Ngangasana*, хантайские самоеды называют себя *Ennetsche*). Остяки по-юракски *Chobi. Mungánsi* – так называются по-юракски самоеды, от которых возникло название Мангазея. Они сейчас платят ясак в Карасинское зимовье. *Mungansi* – родовое название, такое же, как *Asidi, Selerti*. Однако юраки не причисляют их ни к себе, ни к *Mandu*, ни к *Tau*, а говорят, что они являются особыми³. Здесь, помимо прочего, обращает на себя внимание автоэтноним тавгов (*Ngangasana*), поскольку в литературе можно встретить утверждение, что этноним «нганасаны» образован искусственно: «В отличие от этнонима ненец названия народов энцы и нганасаны образованы искусственно; хотя соответствующие слова означают “человек”, в качестве самоназваний они энцами и нганасанами не использовались [5, с. 68].

Относя самодийские народы к «исконным» обитателям Севера, Миллер, вместе с тем, отмечает тесную связь этих народов с древнейшим и современным населением тайги и южносибирских степей. Для него было очевидным, что «самоедская» языковая общность включает в себя, помимо собственно самоедов, селькупов («остяков нарымского языка»), а также ряд малых народностей бассейна р. Енисей вплоть до Саян (камасинца, маторы, тайгийцы, карагасы, койбалы). Упомянутые последние народы к моменту путешествия ученого были уже в значительной степени тюркизированы; так, к примеру, об языке тайгийцев современные исследователи могут судить только по единственному источнику – словарю Миллера. Считается, что лишь в середине XIX в. М.А. Кастрен впервые убедительно доказал, что так называемые остяки – это три разных народа (современные ханты, селькупы и кеты). Иногда, впрочем, признается, что подобный вывод был сделан участником Второй Камчатской экспедиции И.Э. Фишером еще столетием ранее. Мы полагаем, что есть основания внести существенные коррективы в устоявшиеся историографические схемы, которые касаются указанной проблемы.

Основными антропологическими особенностями народов Севера Миллер считал их низкорослость, плоское строение лица, худое телосложение и «слабосильность членов». Особо он выделяет остяков и самоедов, находя некоторые их антропологические параметры наиболее близкими, в сравнении с другими сибирскими народами, к европейским. Он, в частности, пишет: «Я полагаю, что среди всех сибирских народов остяки и самоеды больше всего

подходят к европейским народам по чертам лица»⁴. Самоеды, по его наблюдениям, были ближе к европейцам и по цвету кожи (ученый объясняет это тем, что «они из-за холодного климата не так сильно загорают от солнечного жара»), а также по наличию среди них людей с серыми глазами, густыми черными или рыжими бородами (последнее – преимущественно среди юраков).

Близость самодийских и угорских народов к европейским ученый находит в самых неожиданных областях. Так, он на конкретных примерах показывает, что самоеды и остяки были ближе русским по используемым ругательствам, в особенности «непристойным». Путешественник сначала предполагал, что эти ругательства могли быть заимствованы в процессе общения и представляли собой перевод с русского. Однако информаторы категорически отвергли данное предположение, уверяя, что они издавна так ругались⁵. Отмечая общую нечистоплотность сибирских народов, он все же делает некоторые исключения, касающиеся татар-мусульман и бурят-буддистов, а также самоедов: «Говорят, что самоеды, когда они идут в гости, будто бы большей частью моются и содержат себя в чистоте. Они также купаются летом»⁶.

Одним из важнейших результатов присоединения Сибири к России Миллер считал установившуюся здесь относительную политическую стабильность, сокращение числа межэтнических конфликтов. Однако он вынужден был констатировать, что на Севере до стабильности еще весьма далеко. Основные причины этого он видел в «упрямстве» и «строптивости» ряда народов, не желавших подчиниться русским, а также в том, что на Севере протекали интенсивные миграционные процессы (например, переселение части селькупов на север, в бассейн р. Таз). Результат вооруженных конфликтов, согласно Миллеру, во многом предопределялся военными качествами народов Севера. Из всех самоедов ниже всего он оценивает военные качества юраков, часто нападавших на русских и соседние аборигенные народы: «Среди самоедов Туруханского уезда самыми ловкими в стрельбе являются хантайские самоеды и тавги, они превосходят в этом юраков. Замечено, что когда юраки нападают на хантайских и тавгов, они всегда, даже если хантайские и тавги уступают им по численности, по большей части оказываются убитыми. В свою очередь хантайские самоеды превосходят тавгов»⁷.

Стремясь обнаружить сходство и различия у разных народов, Миллер часто пользовался понятиями «дикость» и «цивилизованность». Когда речь шла об общем уровне развития, он обычно относил народы Севера, в том числе и самодийские, к категории «диких». Основанием для этого служили не особенности материальной культуры, а общественные отношения

⁴ Там же. Ф. 181. Д. 1386. Ч. 1. Л. 40 об.

⁵ Там же. Л. 122.

⁶ Там же. Л. 48 об.

⁷ Там же. Ч. 2. Л. 9 об.

³ Там же. Ф. 199. Портф. 521. Ч. 2. Л. 337 об.

(наличие рабов, приниженное положение женщин и др.), взаимоотношения народов между собой и с русскими (грабительские набеги, нежелание покоряться русским, пренебрежение судьбой соплеменников, взятых в аманаты и др.), «умственная культура» и психология. Особенно часто ученый писал о дикости самоедов-юраков, чукчей и коряков – народов, которые оказывали русским наиболее ожесточенное сопротивление. Однако, когда Миллер пишет о самодийских народах вне проблемы их военной конфронтации с русскими, он существенно корректирует свои оценки и polemизирует с теми европейскими и русскими авторами, которые сравнивали аборигенов Севера с дикими зверями, считали самоедов канибалами и т. д.

В целом крайне негативно оценивая институт рабства, Миллер отмечает, что у самоедов рабы появлялись почти исключительно в результате межэтнических вооруженных столкновений, при этом рабское состояние обычно длилось недолго. Так, во время набегов они захватывали, как правило, лишь девочек, девушек и женщин; женщин и девушек брачного возраста сразу брали в жены, девочек – по достижении брачного возраста. Самоеды-юраки, которые нередко нападали на русских, захваченных мужчин обычно лишь связывали и так оставляли на месте, а увозили с собой только женщин, которые, минуя рабское состояние, сразу становились их полноправными женами.

Одними из важнейших черт характера аборигенов Севера Миллер признает их немногословность, что было не характерно для большинства сибирских народов, «внутренние принципы порядочности», сострадательность и чувствительность. Особо путешественник выделяет остяков и самоедов, отмечая их «душевную доброту», неспособность к сознательным обидам. Примеры, подтверждающие данные характеристики, Миллер находит в самых разных сферах: «Собак не едят ни остяки, ни самоеды, преимущественно из-за чувствительности и уважения, а не потому, что они считают их нечистыми или невкусными»⁸; «Самоеды, когда они встречаются друг друга после того, как долго не виделись, целуют друг друга в обе щеки... Остяки при встрече целуются в губы... Родственники, которые долго не виделись, обнимают друг друга и плачут»⁹; и др.

Основным занятием большинства народов Севера Миллер признает оленеводство, возникшее в глубокой древности (доказательство этому он видел в том, что ни у одного народа ему не удалось обнаружить даже преданий об одомашнивании диких оленей). Некоторые выводы ученого относительно развития северного оленеводства в свете новейших данных выглядят по меньшей мере спорными. Так, ученый полагал, что крупностадное оленеводство существовало до русских у большинства народов Севера, но к 1730-м гг. оно ос-

талось только у тех, кто сохранил независимость от русских или мало контактировал с ними (ненцы, нганасаны, юраки и др.), а у других оно было подорвано реквизициями оленей служилыми людьми. Согласно мнению современных исследователей, само появление крупностадного оленеводства связано с изменениями в аборигенных хозяйственных комплексах уже после прихода русских [6, с. 46–52].

Ученый утверждает: «Вообще следует заметить, что все народы в самых северных областях Сибири живут, кроме рыбы, почти единственно и исключительно оленями»¹⁰. Ученый утверждает, что даже у тех народов, которые имели крупностадное оленеводство, основу питания составляли все же олени дикие, если же оленеводство было транспортным, то забой домашних оленей производился только в случае крайнего голода. Хотя Миллер и пишет об изобилии диких оленей на Севере, некоторые его данные свидетельствуют о том, что уже в первой половине XVIII в. стали проявляться последствия перепромысла. Как показывают материалы ученого, перепромысел оленей отчасти был связан с тем, что олени шкуры являлись важнейшим продуктом товарообмена, в который включались аборигены севера.

Одним из важнейших направлений полевой работы Миллер считал сбор этнографических коллекций. Им и его сотрудниками были собраны сотни предметов, характеризующих материальную и духовную культуру сибирских народов. Как известно, почти все они погибли во время пожара Кунсткамеры в 1747 г. Сохранившиеся «реэстры» дают представление о многих особенностях утраченных экспонатов. Значительное количество указанных в описях предметов было получено от самодийских народов. Так, в 1741 г. Миллер отправил в Кунсткамеру из Тобольска очередную коллекцию из 111 предметов (в основном это была одежда и обувь), при этом 104 из них относятся к народам Севера, в том числе ненцам, нганасанам и селькупам. Приведем пример такого рода описаний из реестра: «Самояцкая женская шуба новая молодых оленей, белая с прошивами молодых же оленей, по подолу пушенная различным сукном и собачью кожей в два ряда. Под ней испод лебяжей с пришивными рукавицами. Из Березова»¹¹.

Г.Ф. Миллер стоял у истоков этнографического изучения народов Севера Сибири, для его трудов характерны лучшие черты отечественных этнографов последующих столетий – доброжелательность, непредвзятость, готовность понять культуру, столь непохожие на его собственную, максимальная объективность и точность. Отмечая разного рода ошибки ученых XVIII в. при определении этнического состава сибирских народов, современные исследователи обычно говорят о том, что они «в духе того времени», объясняются отсутствием научных традиций в данной области и т. п. При анализе этногенетических концепций

⁸ Там же. Ф. 199. Портф. 509. Д. 3. Л. 139 об.

⁹ Там же. Ф. 181. Д. 1386. Ч. 1. Л. 110

¹⁰ Там же. Ч. 2. Л. 16 об.

¹¹ ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 68. Л. 75.

Миллера такие оговорки не требуются. Они, если не брать во внимание устаревшую терминологию и вышедшие из употребления этнонимы, выглядят вполне по-современному, отвечают самым строгим научным требованиям. Принципы, которыми руководствовался Миллер при делении различных этнических образований на самостоятельные народы и диалектные группы, а также при определении их родственных по языку связей между собой, выдержали испытание временем и подтверждены последующими исследованиями, в том числе современными специалистами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хелимский Е.А. Компаративистика, уралистика. М., 2000.
2. Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1982.
3. Татищев В.Н. Избранные сочинения. Л., 1979.
4. Элерт А.Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1999.
5. Агеева Р.А. Страны и народы: Происхождение названий. М., 1990.
6. Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.

Статья поступила
в редакцию 03.09.2014 г.

УДК 94 (47). 083

М.В. ШИЛОВСКИЙ

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО И УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ КАДРЫ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ АЗИАТСКОЙ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.*

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: istorik.novosib@gmail.com

В статье анализируется завершающий этап административно-территориального устройства арктических районов Северо-Востока Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв., результатом которого стало образование в 1909 г. Камчатской области. Рассматривается ситуация на Чукотском полуострове, связанная с интеграцией чукчей в российское подданство посредством организации в 1888 г. Анадырского округа, а в 1909 г. Чукотского округа. Одновременно исследуются проекты реорганизации управления северными территориями, в частности объединением Камчатской и Якутской областей в новое генерал-губернаторство с центром в Якутске. В качестве отдельного сюжета изучается организация управления в территориально-административных образованиях арктической зоны Азиатской России, прежде всего в Якутской области. Обращается внимание на аппарат управления (якутские губернаторы, окружные и уездные исправники). Устанавливается, что на ключевую должность якутского гражданского губернатора старались отбирать чиновников, достаточно долго прослуживших в Сибири, инициативных и способных самостоятельно принимать ответственные решения. К числу таковых следует отнести Ю.И. Штубендорфа, В.Н. Скрипицына, И.И. Крафта. Положительный эффект давало выдвижение управленческих кадров за счет местных уроженцев. Северные территории постоянно находились в поле зрения западносибирских (до 1882 г.) и восточносибирских (иркутских) генерал-губернаторов, регулярно посещавших их с инспекционными целями.

Ключевые слова: Арктика, Якутская область, Чукотский округ, губернатор, исправник, округ, уезд, Российская империя.

К середине XIX в. арктическая зона Азиатской России в административно-территориальном отношении входила в состав Сургутского и Березовского округов Тобольской губернии, Туруханского края Енисейской губернии, Якутской области, Охотского и Камчатского приморских управлений (округов). В 1849 г., после переноса основного порта Российской империи на Тихом океане из Охотска в Петропавловск, Охотское управле-

ние было ликвидировано, а его территория включена в состав Якутской области. Экспедиция А.Э. Норденшельда 1878–1879 гг., совершившая на паровом барке «Вега» первое сквозное плавание по Северному морскому пути, доказала возможность мореплавания по морям Северного Ледовитого океана и опровергла постулат о незыблемости арктических границ России, защищенных непроходимыми полярными льдами. Данное обстоятельство стало основанием для переоценки геополитического значения Арктики для Российской империи и существенной корректировки правительственной политики в отношении Северо-Востока.

*Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного Президиумом РАН №44 «Россия в Арктике: исторический опыт и современные проблемы».